

ЛИШЕНИЕ И ВОССТАНОВЛЕНИЕ В ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВАХ ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКОВНОСЛУЖИТЕЛЕЙ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В СЕРЕДИНЕ 1920-х – СЕРЕДИНЕ 1930-х гг.

Статья посвящена проблемам лишения и восстановления в избирательных правах православных церковнослужителей и реконструкции социокультурного облика данной группы. Работа базируется на материалах личных дел, хранящихся в региональных архивах. На основании заявлений «лишенцев» рассматриваются аргументы и тактики поведения изучаемой группы в борьбе за свои права. Делается вывод о том, что церковнослужители наравне со священнослужителями подвергались дискриминациям, сопутствующим лишению избирательных прав.

Ключевые слова: церковнослужители; церковь; «лишенцы»; псаломщики; дискриминация; репрессии.

Кардинальные изменения в положении русской православной церкви, произошедшие с приходом к власти большевиков, трагическим образом сказались на судьбах рядовых церковнослужителей. Одной из дискриминационных мер, которым подвергались представители причта, являлось лишение их избирательных прав. По Конституции 1918 г. среди категорий «лишенцев» значились «служители религиозного культа». В данную категорию попадали представители всех конфессий, в том числе православного духовенства, составлявшего большинство. Помимо собственно священнослужителей, т.е. лиц, имевших духовный сан епископа, священника или диакона, в списки «лишенцев» попадали и церковнослужители – те, кто работал в церкви, но без посвящения в сан (псаломщики, пономари, регенты, певчие). К данной группе примыкают также и лица, принимавшие участие в жизни церкви, но непосредственно не участвовавшие в богослужении: старосты, члены приходского совета, сторожа, просфирни. Лишению избирательных прав сопутствовали различного рода ограничения и дискриминации в социальных правах, пик которых пришелся на конец 1920-х гг., совпав с новым витком наступления на церковь.

Активное изучение проблематики «лишенчества» началось с начала 1990-х гг. Появились работы, посвященные «лишенцам» отдельных регионов, в которых наряду с другими категориями «лишенцев» рассматриваются и «служители религиозного культа» [1–3]. Публикации, посвященные именно данной категории «лишенцев», крайне малочисленны [4–6]. Анализ демографических, социокультурных, поведенческих характеристик «служителей религиозного культа» Урала представлен в статье Ю.А. Русиной [4]. Изучение заявлений священно- и церковнослужителей проводится в статье З.И. Мавлютовой [5]. Как отдельная категория «лишенцев» православные церковнослужители в историографии не рассматривались. Между тем данная группа имеет свои особенности. В отличие от священников, для церковнослужителей служба в церкви в указанный период чаще всего не являлась основным занятием. Тем не менее их также касались дискриминации, сопутствующие статусу «лишенца».

Целью работы является выявление специфики положения данной группы «лишенцев», а также рас-

смотрение проблем, связанных с восстановлением церковнослужителей в избирательных правах.

Статья основывается на материалах фондов трех городских и тридцати сельских исполнительных комитетов, находящихся на хранении в архивах Новосибирской, Томской областей и Алтайского края. В созданной по материалам личных дел электронной базе данных содержится информация о 326 персоналиях, 91 из которых являлись церковнослужителями (11 – городские, 80 – сельские). Основная часть данной группы состоит из псаломщиков, но в нее входят также несколько старост, певчие, регент хора, глава церковного совета и просфирня. Таким образом, была произведена выборка из выборки. Изначально отбирались дела всех лишенных как «служителей культа», затем из них выбирались представители православного клира, далее производилось разделение на священно- и церковнослужителей. Дополнительным источником являются законодательные и нормативные акты, регламентировавшие процедуры лишения и восстановления в избирательных правах.

На протяжении первых десятилетий советской власти положение церковнослужителей-«лишенцев», как и всей категории лиц, лишенных избирательных прав, значительно изменилось. Лишение избирательных прав вводилось Конституцией 1918 г., но в ней не уточнялось, кто именно должен быть причислен к служителям культа. До середины 1920-х гг. эти вопросы оставались на усмотрение местных властей. Кроме того, особых притеснений и ограничений, связанных с лишением права голоса, в это время не ощущалось.

С середины 1920-х гг. ситуация меняется: согласно инструкции о выборах в Советы 1925 г., лишение избирательных прав распространялось «одинаково на монахов и духовных служителей религиозных культов всех вероисповеданий и толков, для которых эта работа является профессией» [7]. Вспомогательный персонал церкви лишался избирательных прав лишь в том случае, если «основным источником существования являлся доход от исполнения религиозных обрядов» [Там же]. Соответственно, те лица, которые были псаломщиками, певчими и не получали за это плату, не подлежали лишению избирательных прав.

Однако уже инструкция о выборах 1926 г. значительно расширила круг священно- и церковнослужителей-«лишенцев». Избирательных прав лишались

«служители религиозных культов всех вероисповеданий и толков» независимо от того, получают ли они за исполнение этих обязанностей вознаграждение [8]. Таким образом, даже те, кто служил в церкви безвозмездно, теперь также лишались избирательных прав, и их приравнивали к «служителям религиозного культа». Данное дополнение значительно усложнило положение церковнослужителей, а также дало возможность местным властям причислять к данной категории и простых верующих – мирян. Так, прихожанин церкви в селе Мочище Новосибирского района М.И. Антонов был лишен избирательных прав как «руководитель религиозной группы» [9. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 56]. К «служителям культа» власти причислили также просфирню и по совместительству сторожа церкви с. Верх-Алеус Ордынского района Н.Г. Светозарскую [Там же. Ф. Р-384. Оп. 1. Д. 655. Л. 1–36]. Данная ситуация была характерна не только для Сибири. Так, московские исследователи В.И. Тихонов, В.С. Тяжелникова, И.Ф. Юшин отмечали, что встречались совершенно немыслимые формулировки мотивов лишения избирательных прав: «за религиозные убеждения», «за поездку в Иерусалим», «за звон в колокола» [10. С. 2].

Ужесточение критериев и сопутствующее нарушение вызвали массовый поток жалоб и ходатайств «лишенцев». И с 1927–1928 гг. начинают формироваться «личные дела» лиц, лишенных избирательных прав.

В 1930 г. произошла относительная либерализация законодательства о «лишенцах», выразившаяся в том, что, согласно инструкции о выборах 1930 г., избирательных прав не должны были лишаться «лица, которые по найму или выбору религиозных общин занимаются административно-хозяйственным и техническим обслуживанием религиозных обрядов и зданий религиозных культов, как-то: певчие, сторожа, уборщики, звонари и т.п., а также члены приходских советов» [11]. Данная инструкция была призвана несколько сузить категорию лишаемых как «служителей культа» и устранить вопиющие нарушения. Действительно, некоторой части церковнослужителей удалось добиться восстановления именно в 1930 г. Но в целом восстановиться в избирательных правах было трудно и в 1930-е гг.

Формально лишение избирательных прав просуществовало до принятия Конституции 1936 г. Однако и в дальнейшем, до 1953 г., существовала разветвленная система социально-правовых ограничений и дискриминаций для значительной части общества, попавшей под различного рода репрессии.

До революции в состав приходского причта входили священник и псаломщик, если число прихожан было менее 700 душ, если же более, то по штату полагался еще и дьякон [12. С. 162]. Кроме штатных псаломщиков могли привлекаться также вольнонаемные. В отличие от священников, большая часть которых начала службу в церкви еще до революции, среди церковнослужителей такие встречались редко. В созданной электронной базе данных (91 чел.) всего пять церковнослужителей (четыре псаломщика и один староста) исполняли обязанности в церкви еще до рево-

люции и продолжали служить в 1920-е гг. Данная ситуация объясняется еще и тем, что лица, служившие псаломщиками до революции, в дальнейшем были рукоположены. Штатных псаломщиков было крайне мало, поэтому обязанности псаломщика исполняли грамотные активные прихожане, иногда за плату, а часто и безвозмездно по просьбе общины. Сроки их службы варьировались от нескольких месяцев до нескольких лет.

По гендерному составу в подавляющем большинстве церковнослужители являлись мужчинами, хотя встречались и женщины, исполнявшие обязанности псаломщика [9. Ф. Р-394. Оп. 1. Д. 284; Ф. 471. Оп. 1. Д. 725]. Как и в ситуации со священниками, среди церковнослужителей по сравнению с дореволюционным временем увеличивалась доля старших возрастов. Если в 1914 г. преобладали лица в возрасте от 20 до 40 лет [13. С. 61–62], то в 1930 г. – от 40 до 60 лет. Молодое поколение, подвергавшееся массовой антирелигиозной пропаганде, уже не желало работать в церкви.

Сведения об образовании церковнослужителей крайне фрагментарны. Некоторые из них в своих заявлениях отмечали, что не могли являться псаломщиками из-за малограмотности. Тем не менее несколько церковнослужителей указали, что учились в сельских или церковно-приходских школах. О том, что псаломщики обладали определенным уровнем грамотности, свидетельствует тот факт, что в большинстве своем жалобы и ходатайства они писали самостоятельно.

По своему социальному происхождению церковнослужители в подавляющем большинстве являлись выходцами из крестьян. Исключение составили двое – один псаломщик [9. Ф. Р-489. Оп. 1. Д. 1266. Л. 1–6] и просфирня [Там же. Ф. Р-384. Оп. 1. Д. 655. Л. 1–36], чьи родители принадлежали к духовному сословию. Большинство из тех церковнослужителей, кто оставил церковь, отказались от службы в 1928–1930 гг. Данное обстоятельство связано с новым витком наступления на церковь и усилившимися дискриминациями «лишенцев».

Одной из наиболее существенных дискриминаций, с которыми сталкивались сельские церковнослужители-«лишенцы», являлось повышенное налогообложение. Местным властям было свойственно в разы завышать доходы как священников, так и псаломщиков. Штатный псаломщик должен был получать от 1/4 до 1/3 дохода священника. Соответственно, рассчитывая доходы священника, власти пропорционально увеличивали доходы и псаломщика. В итоге невозможность уплатить налог приводила к распродаже имущества. В своих заявлениях псаломщики часто жаловались на незаконную конфискацию и просили вернуть имущество: «Продажа моего имущества произвелась... неправильно, а именно хозяйство мое ничуть не принадлежало к числу кулацких, потому что машин не имел, никакой эксплуатацией не занимался, а что касается относительно того, что мне приходится зарабатывать необходимый кусок хлеба при религиозному культе, так это я считаю не имеет такого значения, чтобы произвести за данное дело продажу имущества...» [Там же. Ф. Р-440. Оп. 1. Д. 380. Л. 20].

Для сельских церковнослужителей основным видом деятельности являлось сельское хозяйство. И после прекращения службы в церкви они продолжали «заниматься хлеборобством», если к тому времени не были «раскулачены». В некоторых случаях бывшие церковнослужители стали заниматься кустарничеством или шли в чернорабочие, а несколько человек оказались на иждивении родственников.

Бывшие городские церковнослужители устраивались работать на производство. В основном они были вынуждены заниматься тяжелым физическим трудом. Тем не менее шансов добиться восстановления в избирательных правах у них оказывалось больше, так как трудовой пятилетний стаж, необходимый для этого, в городе получить было проще.

Для того чтобы стать полноправным, «правовым» гражданином и избавиться от «позорного клейма лишения», церковнослужители обращались в избирательные комиссии разных уровней с просьбами о восстановлении. Основными условиями восстановления в правах для «служителей религиозных культов», как и для других категорий «лишенцев», являлись занятие общественно-полезным трудом в течение 5 лет и лояльное отношение к советской власти [8. Ст. 19]. Кроме того, существовала возможность быть признанным неправильно лишенным, на что и рассчитывали многие церковнослужители. В обращениях к членам избирательных комиссий половина церковнослужителей указывали на неправильность лишения их избирательных прав, апеллируя к действовавшим нормам и инструкциям, высказывая в большинстве случаев возмущение и негодование по этому поводу, и лишь несколько псаломщиков считали это просто ошибкой и недоразумением. Поэтому большинство заявлений следует отнести к жалобам, так как в них, в отличие от ходатайств, факт лишения признается незаконным. Данное обстоятельство схоже с поведением уральских церковнослужителей: З.Ш. Мавлютова также отмечает, что в большинстве заявлений представители клира стремились опровергнуть мотивы лишения и привести доводы в пользу своей непричастности к религиозному культу [5. С. 55].

Среди разнообразных аргументов, приводимых в попытках отмежеваться от статуса «служителя религиозного культа», можно выделить две основные тактики. Следуя первой из них, наиболее распространенной, псаломщики отрицали свою службу в церкви и утверждали, что были просто любителями пения. Типичным примером данной тактики является следующее заявление «...я себя не считаю псаломщиком, а был членом церковного совета и пел как любитель...» [9. Ф. Р-395. Оп. 1. Д. 506. Л. 36]. В статье Ю.А. Русиной, посвященной служителям религиозного культа Урала, лишенным избирательных прав, также отмечается, что псаломщики в заявлениях часто относили себя к «любителям пения» [4. С. 123].

Второй тактикой выступало утверждение, что должность псаломщика исполнялась временно и не являлась основной деятельностью. При этом некоторые церковнослужители апеллировали к статьям Конституции или инструкциям о выборах в Советы. Так,

псаломщик И.Т. Ефимов (с. Кунчурук Болотнинского района) утверждал в своем заявлении, что, согласно Конституции, лишаются избирательных прав те служители культа, для которых служба в церкви является источником существования, следовательно, те, у кого основное занятие сельское хозяйство, не должны лишаться избирательных прав. Далее автор заявления делал вывод, что «...я лишен избирательных прав за свои религиозные убеждения и нарушена ст. 68 Конституции...» [9. Ф. Р-457. Оп. 1. Д. 181. Л. 3 об.].

Кроме того, отдельные псаломщики в качестве доказательства того, что таковыми они не являлись, приводили собственную малограмотность: «...не могу быть штатным потому что малограмотный... школы никакой не проходил» [Там же. Ф. Р-418. Оп. 1. Д. 53. Л. 2].

С позицией уверенности в собственной правоте связано и то, что, в отличие от бывших священнослужителей, псаломщики не так усердствовали в доказательстве своей лояльности к власти. Между тем некоторые из церковнослужителей все-таки отмечали свои заслуги перед советской властью, к которым они в первую очередь относили службу в Красной армии и революционную деятельность (4 заявления).

Те же псаломщики, кто получал вознаграждение за службу, вынуждены были прибегать к оправдательной тактике. В своих ходатайствах они писали, что служили временно, из-за отсутствия штатного псаломщика, по настоятельной просьбе религиозной общины или же по причине тяжелых жизненных обстоятельств. Так, в частности, объяснял свою службу псаломщиком бывший церковный сторож села Верхний Майас А.В. Васильев: «...я поддался влиянию Сперанского (*священник*) предлагавшего мне читать псалмы и петь, обещая за это плату. На что я согласился т.к. выхода иного не было при бедности и отсутствии нормального зрения» [Там же. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 81. Л. 12 об.]. Часть псаломщиков оправдывались тем, что служили в церкви по своей темноте и неведению: «...благодаря малограмотности, темноты и невежества... исполнял обязанности псаломщика...» [Там же. Д. 444. Л. 14 об.]. Подобные стереотипы антирелигиозной пропаганды церковнослужители очень активно использовали, пытаясь представить себя в глазах членов избирательных комиссий жертвами «поповского дурмана».

В отличие от священнослужителей, псаломщики значительно реже сообщали об отказе от службы в церкви, тем не менее такие заявления тоже встречаются: «...желаю быть в рядах рабочего класса, отрекаюсь от всего старого...» [Там же. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 848. Л. 8]; «Я... никогда не возвращусь к этому проклятому поповскому дурману, этой вечной тьме...» [Там же. Ф. Р-387. Оп. 1. Д. 374. Л. 4 об.]. Тактика раскаяния не пользовалась такой популярностью у церковнослужителей, потому что в связи с особенностью их положения им проще было поставить под сомнение сам факт служения в церкви и принадлежности к «служителям религиозного культа».

Всего восстановления в избирательных правах удалось добиться примерно четверти (24,3%) от общего числа заявителей. Лучше складывалась ситуация

для городских церковнослужителей: в частности все, кто отказался от церковной службы, добились восстановления в правах. В сельской местности положительного решения добиться оказалось сложнее. Данная ситуация объясняется несколькими обстоятельствами. Во-первых, в сельской местности сложно было найти работу для получения пятилетнего трудового стажа. Во-вторых, сельских церковнослужителей часто могли лишать избирательных прав сразу по нескольким пунктам, в том числе таким, как «эксплуатация наемного труда», «эксплуатация сельскохозяйственных машин». Кроме того, начиная с 1930 г. часть из них оказалась уже высланными, и в случае восстановления в гражданских правах им полагалось вернуть конфискованное имущество, что органы власти стремились не допускать.

Всего различного вида репрессиям, в том числе высылке с конфискацией, подверглись 26,3% церковнослужителей. В годы Большого террора четверо псаломщиков были расстреляны. Еще одного регента хора рас-

стреляли в 1930 г., а за год до этого его восстановили в избирательных правах [9. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 705. Л. 1–2]. Данный случай ярко демонстрирует тот факт, что восстановление в избирательных правах не являлось гарантией безопасности от дальнейших репрессий.

Таким образом, церковнослужители-«лишенцы», не входя в духовное сословие, разделили все тяготы, связанные с дискриминациями, а в дальнейшем подвергались репрессиям наравне со священнослужителями. Внося в списки «лишенцев» как «служителей религиозного культа» хористов, просфирен, церковных старост, мирян, власть тем самым давала понять, что любая связь с церковью, имевшая место даже в прошлом, наказуема. Получив однажды клеймо «служителя религиозного культа», в дальнейшем крайне сложно было от него избавиться. Лишая избирательных прав церковнослужителей, власть данной мерой усиливала блокирование деятельности церкви, лишала последнюю социальной опоры и поддержки традиционных групп социума.

ЛИТЕРАТУРА

1. Саламатова М.С. «Лишенцы» // Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы). Новосибирск, 2007. С. 3–37.
2. Красильников С.А., Саламатова М.С., Ушакова С.Н. Корни и щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири (1930-е – начало 1950-х гг.). Новосибирск, 2008. 392 с.
3. Валуев Д.В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) (на материалах Смоленской губернии и Западной области). Смоленск, 2012. 155 с.
4. Русина Ю.А. Характеристика лишенных избирательных прав за связь с религиозным культом на Урале в 1920–1930-е годы // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е гг.). Нижний Тагил, 1997. С. 119–129.
5. Мавлютова З.И. Лишение избирательных прав православного духовенства (на материалах Тюменского и Тобольского округов Уральской области 1920-х годов) // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. История. 2009. Вып. 33, № 23 (161). С. 52–57.
6. Давыдова Н.А. Отношение органов Советской власти к служителям религиозных культов в Севастополе в 1920–1930 годы // Государственный архив г. Севастополя. URL: <http://www.gosarhiv.sev.net.ua/fulldoc/2006-03/Davidova.shtml> (дата обращения: 17.04.2010).
7. СУ РСФСР. 1925. № 79. Ст. 603. Гл. III. Ст. 19.
8. СУ РСФСР. 1926. № 75. Ст. 577. Гл. II. Ст. 15. п. «м».
9. Государственный архив Новосибирской области.
10. Тихонов В.И., Тяжелникова В.С., Юшин И.Ф. Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930-е годы. М., 1998. 256 с.
11. СУ РСФСР. 1930. № 54. Ст. 654. Гл. II, ст. 16. п. «о».
12. Леонов Д.Е. Псаломщик Русской Православной Церкви начала XX века: особенности правового статуса // Вестник Тверского государственного университета. История. 2015. № 1. С. 157–167.
13. Русская Православная Церковь юга Западной Сибири (XIX–XX вв.): исторические очерки. Кемерово, 2007. 319 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 5 октября 2015 г.

DISFRANCHISEMENT AND RESTORATION OF VOTING RIGHTS OF ORTHODOX CLERGYMEN IN WESTERN SIBERIA IN THE MID-1920S – MID-1930S

Tomsk State University Journal, 2016, 403, 82–86. DOI: 10.17223/15617793/403/14

Moskalenskaya Daria N. Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: darmosk@mail.ru

Keywords: clergymen; church; “lishentsy”; psalmists; disfranchisement; discrimination; repressions.

Disfranchisement existing in Soviet Russia from 1918 to 1936 created an artificial marginal group that included ministers of the church. Instructions on elections to the Soviets issued throughout the 1920s differently interpreted the term “servants of a religious cult”. At the end of 1920s, this category included not only priests, but also psalmists, singers and even the operating personnel of the church. The aim of the article is to identify the specific situation of this group of disenfranchised persons, as well as to consider problems associated with the restoration of the clergy in the voting rights. The work is based on the materials of private cases stored in Novosibirsk, Tomsk and Barnaul archives. Demographic and socio-cultural characteristics of the studied groups were analyzed using a created electronic database. We concluded that literate older men predominated among clergymen. They were peasant by birth, and service in the church was not their primary and permanent occupation. Arguments and tactics used by disenfranchised clergymen in the fight for restoration are considered by using their applications to election committees of different levels. One popular tactic is the denial of belonging to the “servants of a religious cult”. Acolytes called themselves “amateurs of singing” and denied receiving monetary compensation. Formally, a five-year working experience and loyalty to the Soviet power were necessary to restore the voting rights. About a quarter of the clergymen managed to achieve positive decisions of election committees. Petitions of urban clergy were more successful, while in rural areas the situation was more complex. First, it was difficult to find a job for a five-year seniority in the countryside. Second, rural clergy were often deprived of electoral rights for several reasons, such as “exploitation of wage labor” and “exploitation of farm machinery”. In addition, part of them were already exiled in the beginning of the 1930s, and in the case of restoration of civil rights they were supposed to have their confiscated property back, which the authorities sought to avoid. Thus, clergymen were discriminated after disfranchisement on a par with priests. Disfranchisement of clergymen and priests was one

of the measures of the authorities against the Orthodox Church. This measure suppressed the activity of the Church, deprived it of social support and the devotion of the traditional groups of society.

REFERENCES

1. Salamatova, M.S. (2007) "Lishentsy" ["Disenfranchised"]. In: Krasil'nikov, S.A. (ed.) *Marginaly v sotsiume. Marginaly kak sotsium. Sibir' (1920–1930-e gody)* [Marginals in the society. Marginals as a society. Siberia (1920–1930-ies)]. Novosibirsk: Sova.
2. Krasil'nikov, S.A., Salamatova, M.S. & Ushakova, S.N. (2008) *Korni i shchepki. Krest'yanskaya sem'ya na spetsposelenii v Zapadnoy Sibiri (1930-e – nachalo 1950-kh gg.)* [Roots and wood chips. A peasant family in special settlements in Western Siberia (1930s – early 1950s)]. Novosibirsk: Sova.
3. Valuev, D.V. (2012) *Lishentsy v sisteme sotsial'nykh otnosheniy (1918–1936 gg.) (na materialakh Smolenskoj gubernii i Zapadnoy oblasti)* [The disenfranchised in the system of social relations (1918–1936) (On materials of Smolensk Oblast and the Western Region)]. Smolensk: Madzhenta.
4. Rusina, Yu.A. (1997) Kharakteristika lishennykh izbiratel'nykh prav za svyaz' s religioznym kul'tom na Urale v 1920–1930-e gody [The disenfranchised for liaison with a religious cult in the Urals in the 1920–1930-ies]. In: Kirillov, V.M. (ed.) *Istoriya repressiy na Urale: ideologiya, politika, praktika (1917–1980-e gg.)* [History of repression in the Urals: ideology, policy, practice (1917–1980s)]. Nizhniy Tagil: Nizhniy Tagil State Pedagogical Institute.
5. Mavlyutova, Z.Sh. (2009) "To deprive priests of suffrages . . ." *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya*. 33:23 (161). pp. 52–57. (In Russian).
6. Davydova, N.A. (2006) Otnoshenie organov Sovetskoy vlasti k sluzhitzelyam religioznykh kul'tov v Sevastopole v 1920–1930 gody [The attitude of Soviet authorities to ministers of religious cults in Sevastopol in the 1920s–1930s]. State Archive in Sevastopol. [Online]. Available from: <http://www.gosarhiv.sev.net.ua/fulldoc/2006-03/Davidova.shtml>. (Accessed: 17 April 2010).
7. *Sobranie zakonov RSFSR (SU RSFSR)*. (1925). 79. Art. 603. Ch. III. P. 19.
8. *Sobranie zakonov RSFSR (SU RSFSR)*. (1926) 75. Art. 577. Ch. II. P. 15. p. "m".
9. State Archive of Novosibirsk Oblast. (In Russian).
10. Tikhonov, V.I., Tyazhel'nikova, V.S. & Yushin, I.F. (1998) *Lishenie izbiratel'nykh prav v Moskve v 1920–1930-e gody* [Deprivation of voting rights in Moscow in the 1920s–1930s]. Moscow: Mosgorarkhiv.
11. *Sobranie zakonov RSFSR (SU RSFSR)*. (1930) 54. Art. 654. Ch. II. P. 16. p. "o".
12. Leonov, D.E. (2015) The psalmist of the Russian Orthodox Church in early twentieth century: the features of the legal status. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Herald of Tver State University. Series: History*. 1. pp. 157–167. (In Russian).
13. Ust'yantseva, O.N. et al. (2007) *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' yuga Zapadnoy Sibiri (XIX–XX vv.): istoricheskie ocherki* [The Russian Orthodox Church in the south of Western Siberia (the 19th–20th centuries): historical essays]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.

Received: 05 October 2015